Цивилистическое судебное признание: вопросы без ответов

Тряпочкин Никита Андреевич
Кандидат юридических наук, доцент кафедры, Уральский государственный экономический университет, tryapochkin_na@usue.ru

Механизм освобождения от доказывания через признание тяжущимися фактов, в арбитражном, административном и гражданском судопроизводствах, безусловно, «вещь» в современном цивилистическом судопроизводстве необходимая. Хотя бы потому, что помогает сократить процессуальные издержки, будь то временные или денежные. Однако, с какой стороны на него не посмотри, то тут, то там, в ходе его применения возникают вопросы, ответы на которые найти не выходит.
Могут ли представители лиц, участвующих в деле, заявлять о признании фактов? Доступен ли данный механизм прокурору? Можно ли выйти из состава лиц, заключивших соглашение по фактическим обстоятельствам дела и какие у этого будут последствия? Ни на один из этих вопросов, как и многих других, прямого ответа (а, порой, и косвенного) нет. Правильно ли это? Думается, что нет. Отсюда, полагаем верным попытаться, если и не найти ответы на поставленные вопросы, то лишний раз напомнить ученому сообществу об их существовании. В остальном, остается только надеяться, что законодатель когда-нибудь решит вернуться к ним и исправить ситуацию.
Ключевые слова: арбитражное судопроизводство, административное судопроизводство, гражданское судопроизводство, освобождение от доказывания, факты, процессуальные оппоненты.

Введение

Судебное признание фактов в арбитражном, административном и гражданском судопроизводствах явление исключительно феноменальное. Думается, именно такую характеристику ему следует присвоить, поскольку нам не известно ни одного другого цивилистического института, необходимость в совершенствовании которого игнорировалась бы научным сообществом и законодателем настолько «*успешно*».

Такой неутешительный вывод мы делаем исходя из того, что наше многолетнее исследование механизма освобождения от доказывания через признание фактов лицами, участвующими в деле, раз за разом не дает ни прямых, ни косвенных ответов на отдельно взятые вопросы [8, С. 92-116].

Можно было бы подумать, что проблема, например, кроется в избранных ранее методах проведения исследования или самом исследователе, однако, некоторые пробелы в части реализации анализируемого механизма существуют уже на протяжении почти двух веков [8, С. 9-31], что, представляется, свидетельствует о не совсем верном подходе к его пониманию у обозначенных выше субъектов.

Материалы и методы. Для подготовки данного материала нами были использованы как методы анализа, синтеза, индукции и дедукции, так и, например, классификации, поскольку ряд вопросов относится к делению судебного признания на отдельные подвиды.

Обсуждение. 1. *Правовая природа цивилистических судебных признаний*. Основная проблема, которая породила все остальные состоит в том, что в науке и практике до сих пор нет единого мнения о сущности судебных признаний.

Традиционно, принято полагать, что в царской России доминировала распорядительная теория понимания его правовой природы (*признание = акт распоряжения волей*) [11, С. 462-482], в советский период – доказательственная (*признание = доказательство по делу*) [7, с. 31], а сегодня вообще непонятно какая из двух, если не обе сразу (*признание = распоряжение волей + доказательство*) [1, С. 579-583]. Однако, думается, рассуждать так тоже не совсем верно. Здесь необходимо уточнить то, что именно в дореволюционный период и зародилась дискуссия о сущности заимствованного процессуального института.

Профессор М. И. Малинин, в своей монографии, посвященной вопросам признания фактов в гражданском процессе, одним из первых отстаивал ту точку зрения, согласно которой подтверждение информации, содержащейся в утверждениях процессуального оппонента, суду следует оценивать не иначе как акт распоряжения стороной своей волей, фактически направленный на освобождение первого от обязанности доказывать исследуемый в настоящий момент факт [5, С. 11-16] . Безусловно, жест бескорыстный и альтруистический.

Профессор М. М. Михайлов, напротив, полагал, что к признанию фактов следует относиться лишь как к одному из средств доказывания по делу, объяснениям лица, участвующего в деле. Такое объяснение не только должно быть услышано и проанализировано судом в момент исследования материалов дела, но и получить, впоследствии, должную оценку вкупе с другими имеющимися в деле доказательствами [6, 127-130].

Фактически, эти два мнения являются той самой базой для распорядительной и доказательственной теорий понимания правовой природы признаний. Все другие работы, написанные в дальнейшем, лишь продолжают дискуссию, которую породили М. И. Малинин и М. М. Михайлов.

Именно с этого момента все и пошло по «наклонной». Кто-то утверждал, что именно распорядительная теория проливает свет на сущность судебных признаний [10, С. 293-294]. Другие настаивали на возвращении к доказательственным началам [4, с. 63]. Третьи и вовсе полагали, что необходимо комбинировать оба варианта, поскольку лишь так можно избежать возможных дискуссий о реализации обсуждаемого механизма [3, С. 432-433]. И самое страшное то, что эта дискуссия ведется до сих пор. Хотя, говоря откровенно, «ведется» слишком громко сказано, поскольку вопрос о правовой природе признаний на страницах современной научной литературы фактически канул в лету [12, с. 190]. Сейчас никто, почему-то, не задумывается о том, что действующие процессуальные нормы – ст. 68

Гражданского процессуального кодекса (далее – ГПК РФ) и ст. 70 Арбитражного процессуального кодекса (далее – АПК РФ) недоработаны лишь потому, что один единственный вопрос не получил своего ответа.

Как суду следует все-таки оценивать признание - как одно из средств доказывания по делу? Как акт распоряжения волей? Как волевой акт, переходящий в средство доказывания? Ответа на этот вопрос нет.

2. *Механизм освобождения от доказывания*. Проблема здесь не только в том, что отсутствует единство мнения. Суть в том, что каждая из трех известных концепций о признании предполагает совершенно разный механизм их оценки судом. Распорядительная, например, обязывает суд устанавливать наличие или отсутствие пороков воли или волеизъявления в момент заявления признаний. Доказательственная – исследовать информацию, содержащуюся в признании, совместно с той, которая получена из других имеющихся в деле доказательств. Третья теория, смешанная, предлагает более изощренный подход – проверить акт распоряжения волей на порочность, а затем относиться к нему, как к объяснениям лица, участвующего в деле, расценивая последнее в качестве средства доказывания. Без этой проверки оно таковым являться не будет.

Абсурд происходящего в том, что ни один научный труд не содержит объяснений того, как суд должен производить эту самую оценку. Ни один – за почти два века применения анализируемого механизма… Естественно, что законодатель не может определить с его содержанием, если ученые не могут поставить точку в вопросе того, как он в действительности должен применяться.

Чтобы не быть голословными, рассмотрим сказанное более подробно на примере действующего законодательства – ст. 70 АПК РФ.

Часть 1 статьи 70 АПК РФ гласит - «Арбитражные суды первой и апелляционной инстанций на всех стадиях арбитражного процесса должны содействовать достижению сторонами соглашения в оценке обстоятельств в целом или в их отдельных частях…». Думается, верным будет утверждать, что данная норма предполагает считать конкретное обстоятельство установленным, когда в отношении него у тяжущихся нет спора.

Часть 3 ст. 70 АПК РФ – «Признание стороной обстоятельств, на которых другая сторона основывает свои требования или возражения, освобождает другую сторону от необходимости доказывания таких обстоятельств». То есть, признание фактически направлено на освобождение процессуального оппонента от доказывания, а не на пополнение доказательственной базы.

Часть 4 ст. 70 АПК РФ – «Арбитражный суд не принимает признание стороной обстоятельств, если располагает доказательствами, дающими основание полагать, что признание такой стороной указанных обстоятельств совершено в целях сокрытия определенных фактов или под влиянием обмана, насилия, угрозы, заблуждения, на что арбитражным судом указывается в протоколе судебного заседания». А вот и тот самый механизм «одобрения» судом поступивших к нем признаний, который, как видится, требует сопоставить признание с другими, имеющимися в деле доказательствами. Интересно здесь то, что ст. 68 ГПК РФ, декларирующая то же самое, содержит другую формулировку – «В случае, если у суда имеются основания полагать, что признание совершено в целях сокрытия действительных обстоятельств дела или под влиянием обмана, насилия, угрозы, добросовестного заблуждения, суд не принимает признание, о чем судом выносится определение. В этом случае данные обстоятельства подлежат доказыванию на общих основаниях». То есть, здесь признание не сопоставляется с другими доказательствами, но у суда должны иметься основания, которые позволили бы его отклонить.

Для справки, ч. 5 ст. 65 кодекса Административного судопроизводства (далее – КАС РФ) представляет из себя комбинацию того и другого положений, поскольку там законодатель соединяет некие «основания у суда полагать…» с соглашением по обстоятельствам дела, которое известно только арбитражному процессу, и которое следует проверять через доказательства.

Тем самым на практике мы имеем ситуацию, где три процессуальных кодекса содержат совершенно разные механизмы оценки судом заявленных признаний. АПК РФ предлагает сопоставлять признание с другими средствами доказывания, что как бы свидетельствует о выборе законодателем доказательственной теории. Однако, глава 7 АПК РФ не содержит упоминания о таком средстве доказывания, как признание факта. Если только не отождествлять его с объяснениями лиц, участвующих в деле, закрепленных в ч. 2 ст. 64 АПК РФ. ГПК РФ говорит о каких-то «основаниях полагать», в чем бы они не выражались. КАС РФ вообще избрал позицию «оба стула», не говоря уже о том, что его ст. 65 в целом рудимент и не может применяться ни в одной из его глав.

Как быть в данной ситуации? Ответа на этот вопрос тоже нет.

3. *Представители лиц, участвующих в деле*. Ситуации бывают разные – порой лица, участвующие в деле, по определенным жизненным обстоятельствам, не могут принять участие в заседаниях суда. В таком случае, для отстаивания своих интересов они нанимают представителей. Могут ли они заявлять признание?

Сразу же сделаем ремарку о том, что далее мы не рассматриваем ситуацию с представителями по закону. Они являются «полноценной» заменой доверителей и для них такой проблемы не существует.

Итак, обращаясь к положениям ст. 54 и 68 ГПК РФ вывод однозначный – признание фактов представители лиц, участвующих в деле, делать не могут. Оно не представлено ни среди общих, ни среди специальных полномочий. Можно было бы подумать, что раз среди специальных оно не названо, то, естественно, оно среди общих. Однако, заглянув в ст. 62 и 70 АПК РФ можно заметить, что среди специальных полномочий присутствует соглашение по обстоятельствам дела.

Отечественной науке известно два мнения по вопросу отождествления указанных соглашений и признания фактов [9, С. 95-101] Мы придерживаемся той позиции, согласно которой соглашения представляют из себя двустороннее признание фактов [8, 64-66]. У них совпадают предмет – факты, подлежащие доказыванию, последствия – освобождение от доказывания, адресат – суд, возможность дезавуирования – отмены до удаления суда в совещательную комнату, возможность оспаривания – инстанционный пересмотр и т.д.

Итак, мы имеем ситуацию, когда в одном из кодексов признание как будто бы относиться к общим полномочиям, а в другом к специальным. Причем, в специальных соглашениях присутствует только соглашение по обстоятельствам, а «базовый» вариант признания отсутствует. В КАС РФ ситуация та же – есть специальное полномочие на заключение соглашений по обстоятельствам дела. Сказанное позволяет задать нам два вопроса:

1. Почему в двух кодексах есть соглашение по фактическим обстоятельствам дела, а в ГПК РФ его нет?

2. Почему двустороннее признание требует уточнять полномочия представителя, а обычное вообще не было упомянуто?

Кроме того, если все же предполагать, что полномочие на заявление признания, в классическом варианте, является общим, то как быть с тем, что ученые в своих трудах регулярно писали о негативных последствиях от его заявления? Получается, что у представителей есть полномочие, которым они могут создать для доверителя негативные последствия? Не следует ли считать такой подход абсурдным? Просто, как будто бы, принято считать, что представитель доверителя не может своими действиями породить для него негативных последствий.

Почему дела обстоят именно так – не ясно.

4. *Выход из соглашения по фактическим обстоятельствам*. Еще один интересный момент с признаниями фактов связан с указанными выше соглашениями по обстоятельствам. Обращаясь к положениям ст. 70 АПК РФ и ст. 65 КАС РФ можно заметить, что там нет ни слова про их отменимость. В то же самое время, ВАС РФ ранее издал Информационное письмо от 22 декабря 2005 г. № 99, где прямо указал, что из состава участников соглашения можно выйти, посчитав его ошибочным.

Во-первых, что значит «ошибочным»? Как вообще в процессуальном законе может существовать нечто эфемерное и «ошибочное»? То есть, никак не опровергая в дальнейшем сказанное, наша Высшая судебная инстанция (теперь – ВС РФ) полагает, что, изначально выразив согласие в отношении ряда фактов, формирующих состав соглашения, одна из сторон, впоследствии, может от него отказаться? Хорошо. Но как быть со второй стороной, которая продолжает настаивать на их подлинном характере?

Во-вторых, какие вообще последствия от этого выхода? Возвращение к процедуре доказывания на общих основаниях? Замечательно. Но почему та сторона, которая не желает считать соглашение ошибочным должна быть «наказана» увеличением процессуальных издержек из-за поведения оппонента? В письме ведь не говорится о том, что бремя доказывания ложится на того, кто решил

выйти из состава участников соглашения. Хотя, на самом-то деле, это было бы справедливо.

В-третьих, есть и другая проблема – АПК РФ и КАС РФ вновь разнятся между собой, но уже в части проверки судом соглашений на предмет, упомянутых нами ранее пороков воли, волеизъявления или скрытых мотивов. Статья 65 КАС РФ в части 5 декларирует, что «…если в у суда имеются основания полагать, что сторонами достигнуто соглашение или сделано признание в целях сокрытия действительных обстоятельств либо под влиянием обмана, насилия, угрозы, добросовестного заблуждения, суд не принимает соглашение сторон или признание, о чем выносится соответствующее определение». Часть 5 ст. 70 устанавливает, что «…Арбитражный суд не принимает признание стороной обстоятельств, если располагает доказательствами, дающими основание полагать, что признание такой стороной указанных обстоятельств совершено в целях сокрытия определенных фактов или под влиянием обмана, насилия, угрозы, заблуждения, на что арбитражным судом указывается в протоколе судебного заседания…». То есть, в случае с КАС РФ суд рассматривает соглашение, как признание, а в АПК РФ нет? Кроме того, получается, что в АПК РФ суд вообще не проверяет соглашение на предмет негативных факторов, способствующих его заключению? Там вообще про это ни слова нет.

По какой причине существуют такие отличия – неизвестно.

5. *Квалифицированное судебное признание* (далее – признание с оговоркой). Возвращаясь к классическому варианту судебных признаний, необходимо также отметить, что ученое сообщество вместе с законодателем так и не определились с тем, кто должен доказывать ту самую оговорку у соответствующих признаний – лицо, заявляющее признание, или же процессуальный оппонент, поскольку оговорка оправдывает автора признания перед судом [2, С. 40-41].

Вести какие-то рассуждения по данному вопрос вообще кажется нам крайне странным [8, С.71-73]. Получается, можно предположить, что указанные субъекты, определяющие в нашей стране развитие права, действительно считают, что оправдательная часть оговорки, в части доказывания, может быть возложена на лицо, не являющееся заявителем признания? Даже сама эта схема выглядит абсурдно. Получается, что один из тяжущихся искусственно возлагает бремя доказывания на своего оппонента, минуя суд, на минуточку являющийся руководителем судебной процедуры? Не кажется ли Вам это странным? Очевидно, такого рода ситуация подрывает доверие к судебной системе, пусть в настоящий момент и не массово. Однако, можно ли гарантировать, что в дальнейшем ничего не изменится? Думается, что вряд ли.

6. *Статья 65 КАС РФ и бремя доказывания фактов*. Раз уж мы упомянули о статье 65 КАС РФ, то про нее необходимо знать еще кое-что – она вообще не может быть применима в рамках КАС РФ. Она просто в нем существует ради самой себя. Ни одна из действующих глав кодекса Административного судопроизводства не предполагает ни возможности заявления признаний, ни заключения соглашения по фактическим обстоятельствам дела. Все дело в том, что КАС РФ, в отличии от ГПК РФ и АПК РФ, во всех своих главах содержит четко распределенное бремя доказывания. Субъект, обращающийся за защитой своих прав, должен лишь доказать факт события нарушения и не более. Бремя доказывания своей правоты, законности своих действий и соответствия актов вышестоящим всегда определено для органов государственной власти, местного самоуправления и их должностных лиц. Именно они обязаны доказать, что были правы. В КАС РФ нет ни одной главы, где было бы сказано обратное. Отсюда возникают три вопроса: 1) Что имеет больший удельный вес – признание факта или бремя доказывания? 2) Какой смысл признавать факты в отношении самого себя, если они не подтверждают утверждения оппонента? 3) О каких вообще соглашениях по фактическим обстоятельствам дела может идти речь, если бремя доказывание заранее распределяет бремя доказывания фактов? Что вообще за ситуация, когда мы выражаем согласие с фактами, которые подтверждает сам процессуальный оппонент. Получается, утрируя, что, заключая соглашение по обстоятельствам пострадавший подписывается под подлинным фактом о том, что пристав выносил заведомо незаконное постановление о возбуждении исполнительного производства? На лицо какая-то нелепица. Если посмотреть другие главы КАС РФ, а не только 21 и 22, то можно заметить, что и в остальных из них толку от признания фактов ровным счетом ноль – производство по делам, рассматриваемым дисциплинарной коллегией судей, помещение граждан в противотуберкулезный и психиатрический стационары, дела о защите избирательных прав и так далее. Нигде признание фактов и уж тем более соглашение по обстоятельствам дела не требуется. Что в КАС РФ делает 65 статья – ответа нет.

7. *Соотношение признания фактов и процессуального правопреемства*. Названная проблема порождена лишь тем, что нет единого мнения о том, какая у признания правовая природа. В рамках доказательственной теории предельно ясно, что ранее попавшее в дело доказательство не может быть в дальнейшем из него изъято ввиду того, что применяются нормы о процессуальном правопреемстве. Однако, нам непонятно почему то же самое как будто бы работает с распорядительной теорией. Напомним, что в случае с последней концепцией признание выступает актом распоряжения волей. Последнее, в рамках той же научной позиции, имеет возможность быть дезавуировано – то есть отозвано до удаления суда в совещательную комнату. Возникает закономерный вопрос, почему в рамках анализируемой теории акт распоряжения волей одного субъекта обременяет другого, которое, возможно, и не желала становиться частью судебной процедуры. И не просто обременяет, но и создает те самые негативные последствия, о содержании которых ученые на протяжении двух веков ничего не пишут, кроме как о том, что они якобы есть. Видится разумным в рамках данной концепции предоставить право правопреемнику просить суд вернуться к процедуре доказывания фактов на общих основаниях и попытаться опровергнуть ранее сказанное его предшественником, хотя бы потому, что правопреемнику, например, могут быть известны обстоятельства, содержащие указание на наличие тех самых негативных пороков, обязывающих суд отклонить принятие заявленного ему признания.

8. *Пороки воли, волеизъявления и скрытые мотивы*. Еще один интересный момент в части отсутствующих ответов на вопросы о применении на практике механизма признания фактов и последующего освобождения их заявителей от доказывания связан с тем самым механизмом установления указанных негативных факторов.

Интересно то, что ни один из трех кодексов не позволяет суду воспользоваться помощью процессуального оппонента, которому может быть о них известно. Говоря проще, заведомо зная о заявлении процессуальным оппонентом признания фактов со скрытыми мотивами, например, увести суд в сторону от исследования конкретных жизненных обстоятельств, тяжущиеся лишены какой-либо возможности сообщить об этом последнему. Ни один из названных выше механизмов оценки заявленных признаний не предполагает участие в их исследовании никого иного кроме суда.

Напомним, АПК РФ предполагает, что признание следует исследовать вкупе с другими, имеющимися в деле доказательствами. ГПК РФ и КАС РФ обязывают суд, в случае наличия у последнего каких-либо сомнений, неизвестно чем подтвержденных, отклонить адресованное признание. Возникает закономерный вопрос – почему бы не воспользоваться информацией известной процессуальному оппоненту заявителя признаний, чтобы решить указанные вопросы более цивилизованно, чем рассуждать о каких-то эфемерных сомнениях.

Кроме того, такого рода информацию можно было бы расценивать как полноценное объяснение стороны, если следовать логике АПК РФ.

Заключение

Обозначенные выше проблемы никак нельзя считать «проходными». Часть их них существуют на протяжении эпох. Другая – на протяжении последних 30 лет. Тот факт, что в действующее процессуальное законодательство вносятся корректировки, например, введение в АПК РФ ст. 138.6, где среди результатов примирительных процедур вдруг появляются признание фактов и соглашение по обстоятельствам дела таковыми считать, как видится, вообще нельзя. Хотя бы по той причине, что признание фактов и соглашение по фактическим обстоятельствам дела вообще не являются результатами примирительных процедур. По такой логике согласие отправиться на перерыв тоже результат примирительной процедуры.

Так или иначе, абстрагируясь от прочего, институт цивилистического судебного признания, к сожалению, по-прежнему остается одним из самых непроработанных с точки зрения своего изложения и функционирования. Все три процессуальных кодекса, упомянутые здесь – ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ содержат разные нормы в отношении одного и того же процессуального явления.

Поэтому, мы лишний раз напоминаем, что все им требуется не столько качественная доработка, сколько масштабна переработка.

Только в таком случае, думается, механизм освобождения от доказывания через признание тяжущимися фактов будет работать полноценно.

Те вопросы, что были названы в работе лишь некоторая часть из тех, которые на сегодня не получили никаких ответов.

Литература

1. Васьковский Е.В. Избранные работы польского периода / отв. ред., сост., пер. Ю.В. Тай; пер. А.А. Богустов. – М.: Статут, 2016. – 652 с.
2. Гордон А.И. Юридические заметки: признание и удовлетворение // Журнал Министерства юс- тиции. 1867. № 1. С. 33–42.
3. Зейдер Н.Б. Юридическая природа признания в гражданском процессе // Вестн. сов. юстиции. – 1926. – № 11. С. 428-433.
4. Клейнман А.Ф. Основные вопросы теории доказательств в советском гражданском процессе. – М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. – 72 с.
5. Малинин М.И. Судебное признание в гражданских делах. 2-е изд., доп. – Одесса: Тип. Л. Нитче, 1878. – 135 с.
6. Михайлов М.М. Русское гражданское судопроизводство в историческом его развитии от Уложения 1649 года до издания Свода законов: рассуждение на степень доктора юридических наук магистра гражданского права. – СПб: Тип. II отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1856. – 204 с.
7. Пучинский В.К. Признание стороны в советском гражданском процессе. – М., 1955. – 100 с.
8. Тряпочкин Н. А. Судебное признание в цивилистическом процессе: теоретические проблемы: [монография] / Н. А. Тряпочкин; Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева, кафедра гражданского процесса. – Москва: Статут, 2024. – 122 с.
9. Шеменева, О. Н. Признание сторонами обстоятельств и соглашение по обстоятельствам гражданского дела: проблема разграничения / О. Н. Шеменева // Хозяйство и право. – 2010. – № 6(401). – С. 95-101.
10. Энгельман И.Е. Курс русского гражданского судопроизводства. – М., 1912. – 632 с.
11. Яблочков Т.М. Формальные признаки понятия судебного признания в гражданском процессе // Юридические записки, издаваемые Демидовским Юриди- ческим Лицеем. – Ярославль, 1914. – Вып. III (XXI). С. 462–482
12. Ярков В.В. Юридические факты в цивилистическом процессе: моногр. – М.: Инфотропик Медиа, 2012. – 608 с.

Judicial admission: unanswered questions

Tryapochkin N.A.

Ural State University of Economics

The mechanism that exempts parties from the burden of proof through the admission of facts, in arbitration, administrative and civil proceedings, is undoubtedly an essential element of modern civil litigation—if only because it helps reduce procedural costs, whether in terms of time or money. Yet, from whatever angle one views it, questions inevitably arise during its application for which no answers can be found.

Can the representatives of parties to the case declare an admission of facts? Is this mechanism available to the prosecutor? Is it possible to withdraw from an agreement regarding the factual circumstances of the case, and what consequences would ensue? There is no direct answer—and often not even an indirect one—to any of these questions, or to many others like them. Is this right? We believe not. Therefore, we consider it worthwhile to attempt—if not to find answers to these questions—at least to remind the academic community of their existence. For the rest, one can only hope that the legislature will eventually decide to revisit the matter and rectify the situation.

Keywords: arbitration proceedings, administrative proceedings, civil proceedings, exemption from the burden of proof, facts, procedural opponents.

References

1. Vaskovsky E.V. Selected Works from the Polish Period / Ed.-in-Chief, comp., trans. Yu.V. Tay; trans. A.A. Bogustov. – Moscow: Statut, 2016. – 652 p.
10. Engelman I. E. Course on Russian Civil Procedure. – Moscow, 1912. – 632 p.
11. Yablochkov T. M. Formal Characteristics of the Concept of Judicial Admission in Civil Procedure // Legal Notes Published by the Demidov Law Lyceum. – Yaroslavl, 1914. – Issue III (XXI). – P. 462–482.
12. Yarkov V. V. Legal Facts in Civil Procedure: Monograph. – Moscow: Infotropic Media, 2012. – 608 p.
2. Gordon A.I. Legal Notes: Admission and Satisfaction // Journal of the Ministry of Justice. 1867. No. 1. P. 33–42.
3. Zeyder N.B. The Legal Nature of Admission in Civil Procedure // Herald of Soviet Justice. – 1926. – No. 11. P. 428–433.
4. Kleinman A.F. Fundamental Issues of the Theory of Evidence in Soviet Civil Procedure. – Moscow; Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1950. – 72 p.
5. Malinin M.I. Judicial Admission in Civil Cases. 2nd ed., expanded. – Odessa: L. Nitche Printing House, 1878. – 135 p.
6. Mikhailov M.M. Russian Civil Procedure in Its Historical Development from the Code of Laws of 1649 to the Publication of the Digest of Laws: A Dissertation for the Degree of Doctor of Legal Sciences (Master of Civil Law). – St. Petersburg: Printing House of the Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1856. – 204 p.
7. Puchinsky V.K. Admission by a Party in Soviet Civil Procedure. – Moscow, 1955. – 100 p. 8. Tryapochkin N. A. Judicial Admission in Civil Procedure: Theoretical Issues: [monograph] / N. A. Tryapochkin; V. F. Yakovlev Ural State Law University, Department of Civil Procedure. – Moscow: Statut, 2024. – 122 p.
9. Shemeneva O. N. Admission of Facts by Parties and Agreements on Facts in Civil Cases: The Problem of Distinction / O. N. Shemeneva // Khozyaistvo i pravo [Economy and Law]. – 2010. – No. 6(401). – P. 95–101.